

Психолингвистический анализ в реконструкции восприятия исторических личностей*

«Но не только факты истории предстают перед читателем в тексте, история в них может присутствовать в литературных аллюзиях, параллелях, в собственном имени, которое по прошествии времени становится архетипом, или в вещи-символе, в костюме».

Л.А. Софронова [Софронова 1997: 13]

Люди обычно и не подозревают, что у Наполеона было невероятное количество имен-прозвищ – вторичных имен. Что же вообще представляют собой эти вторичные имена? Прозвища, псевдонимы, родовые имена и т.п., функционируя наряду с первичными именами, являются неотъемлемым элементом лексикона каждого языка. Нередко они идентифицируют человека практически в той же мере, что и первичное имя, указывая на его яркие отличительные черты. Они могут использоваться как инструмент психолингвистических исследований менталитета отдельных личностей и даже целых народов. Когда речь идет о событиях давно минувших дней, эти имена могут послужить их историко-психологической реконструкции, если мы сопоставим вторичные имена какой-либо исторической личности у разных народов, в разных языковых ареалах то, возможно, это позволит пролить свет на особенности исторического мышления какого-либо этноса.

Предметом данного анализа является восприятие такой яркой исторической личности, как Наполеон, в Польше и в России.

Итак, два родственного народа, народы-соседи, говорящие на генетически родственных славянских языках, очень близкие не только территориально, но и в ментальном отношении. Одинаково ли у этих народов восприятие личности Наполеона и его деяний? Ключ к решению этого вопроса дает метод психолингвистического анализа, базирующийся на анализе вторичной антропонимии, а конкретно – на анализе прозвищ и других имен Наполеона, бытующих в Польше и в России, в текстах на русском и польском языках.

С полной уверенностью можно констатировать, что лексикон любого языка содержит свой собственный фонд вторичных антропонимов. Речь здесь может идти, к примеру, о вторичных именах, которые функционируют только в данном языке, не выходя за пределы ареала его распространения. В то же время в языковом пространстве в условиях интернационализации и глобализации имеют широкое хождение как общеευропейские, так и общемировые вторичные имена как часть культурного, исторического и цивилизационного наследия. Этот фонд составляют, в частности, имена известных мыслителей времен античности, сильных мира сего, писателей, артистов, политиков, спортсменов и т. д. – как современных, так и зачастую отстоящих от нас на многие поколения. Эти вторичные имена живут в языке своей жизнью – они появляются, исче-

---

* Первая публикация статьи: Психолингвистический анализ в реконструкции восприятия исторических личностей (имена, вторичные имена, прозвища Наполеона в России и в Польше) // Мир психологии. 2002. № 3. С. 176–191.

зают, но какая-то их часть прочно поселяется в языке.

Историческая личность – *Наполеон Бонапарт*, показывается здесь через призму тех имен (в их лингвистических и экстралингвистических преломлениях), которыми наделяли его современники и последующие поколения в России и в Польше. И таким образом, в центре анализа оказываются имена одного и того же человека, одной и той же исторической личности. Полное имя этого человека – Наполеон Бонапарт. Его фамилия звучит чаще всего Бонапарт в России (основой фамилии в русском языке является ее французское звучание) и Bonaparte [bɔnpɑrte] – в Польше (за основу заимствования было взято звучание этого имени в итальянском языке, в недрах которого эта фамилия зародилась). Окончание *-e* – Bonaparte – явилось в польском языке основой приобретения этим именем грамматического статуса прилагательного среднего рода (которым обладает целый ряд польских имен и фамилий). Ср.: в родит. падеже Bonapartego, в дат. падеже Bonapartemu и т.д. В русском же языке имя *Бонапарт* является существительным мужского рода с соответствующими формами словоизменения.

Имя и фамилия Наполеона Бонапарта часто употребляются отдельно друг от друга, а именно: при указании на их носителя они часто выступают как взаимозаменяемые – наглядной иллюстрацией этого положения служат приведенные ниже примеры, которые исключительно наглядны с точки зрения одинаковости контекстных условий: (1) „To przecież nie przypadek, że taki poseł Fourcroy... tyle mówi o wyłuskiwaniu talentów dla potrzeb zaspokajanych przez szkolnictwo wyższe. To już zapowiedź polityki oświatowej Dyrektoriatu i Napoleona” (Baszkiewicz: 63) ‘Ведь это не случайность, что этот депутат Фуркрыа (...) столько говорит о вылавливании талантов для нужд, удовлетворяемых системой высшего образования. Это уже предвестник политики в области просвещения Директории и Наполеона’; (2) „Konwencja Narodowa uchwaliła ustawę, zgodnie z którą szkoły podstawowe miały uczyć jedynie „czytania, pisania, rachunków i elementów moralności republikańskiej”. To już zapowiedź polityki oświatowej Dyrektoriatu i Bonapartego” (Baszkiewicz: 103) ‘Национальная конвенция приняла закон, согласно которому восьмилетние школы должны учить лишь «чтению, письму, счетоводству и элементам республиканской морали». Это уже предвестник политики в области просвещения Директории и Бонапарта’.

Но тем не менее самым важным именем, историко-культурным знаком, в наибольшей мере служащим идентификации личности, является Наполеон – в реестр монархов эта историческая личность вошла как император Наполеон I. Характерно, что когда мы говорим *Наполеон*, мы, да и никто в мире, не имеет в виду Наполеона III, императора Франции в 1852–1870 гг. Возможно, приоритетность имени по сравнению с фамилией отчасти объясняется тем, что род Бонапартов был весьма разветвленным; благодаря Наполеону в историю вошло немало лиц с такой фамилией, отсюда ее способность к идентификации менее выражена.

Интересно, что хотя в большинстве источников номинации *Наполеон* и *Бонапарт* выступают как взаимозаменяемые, тем не менее некоторые создатели текстов о Наполеоне при назывании этой личности дифференцируют ее имена, руководствуясь определенными критериями. Так, автор Истории XIX столетия Александр Чеховский до коронации Наполеона регулярно применяет в отношении него имя *Bonaparte* ‘Бонапарт’: „*Bonaparte* wysłał przeciw powstańcom 60 000-ną armię pod dowództwem gen. Brune’a...” (Historia: 29) ‘Бонапарт направил против повстанцев шестидесятитысячную армию под командованием ген. Брюна’.

Однако в описаниях периода после коронации у Александра Чеховского регулярно

встречается уже только имя *Наполеон*: „Przebiegły minister spraw zagranicznych *Napoleona*, Talleyrand.., posłuszny we wszystkim cesarzowi Francuzów” (Historya: 108) ‘Хитроумный министр иностранных дел Наполеона, Талейран.., во всем послушный императору французов’.

Ср. у того же автора дифференцированное употребление имен Наполеона (*Konsul Bonaparte* ‘Консул Бонапарт’ и *cesarz Napoleon* ‘император Наполеон’) в зависимости от описываемого периода его биографии: „Ustroje republikańskie, stworzone przez generałów rewolucyi, a po części przywrócone przez Konsula Bonapartego dla cesarza Napoleona były niewygodne” (Historya I: 91) ‘Республиканское правление, созданное генералами революции, а частично возобновленное консулом Бонапартом, для императора Наполеона стало неудобным’.

В России форма имени Наполеона не сразу устоялась. Она могла указывать на сословные различия. Эти различия и в то же время колебания нормы отражает, в частности, текст «Войны и мира» Льва Толстого. Так, например, в среде дворян могли звучать такие фонетические варианты его имени, как *Бонапарте*, *Буонапарте* (с итальянским отливом): «*Бонапарте* в рубашке родился» (ВиМ 1: 126) (из речи молодого князя); «– Ступай же ты к *Буонапарте* своему» (ВиМ 1: 127) (из речи старого князя).

В речи солдат может фигурировать фонетический вариант *Бунапарт*: «Говорили все, в Брунове сам *Бунапарт* стоит. – *Бунапарт* стоит! ишь врет, дура! Чего не знает! Теперь пруссак бунтует. Австрияк его, значит, умиряет. Как он замирится, тогда и с *Бунапартом* война откроется» (ВиМ 1: 142).

Имел хождение и нижеследующий вариант имени – *Бонапартий*: «Повсюду проклинали анафемой *Бонапартия*, и в Москве только и толков было, что о предстоящей войне» (ВиМ 1: 361). В речи же простого городского люда фонетические модификации формулы имени могут фиксировать ее устный просторечный произносительный вариант. См., например, у Григория Данилевского: «Его величество, значит, ихний, – произнес Находкин, – а пока, так сказать, по здешним местам и наш *антитатор Наполеон* затеял, видите ли, для ради своей то есть публики киятер на Никитской» (Данилевский: 132).

Наряду с приведенными выше, спорадически выступающими вариантами, в художественной литературе, обращаясь к тем далеким годам, в том числе в «Войне и мире» Толстого и в «Сожженной Москве» Данилевского, частотно имя *Бонапарт*, а еще более частотно – *Наполеон*.

Имя Наполеона в ряде случаев служит для обозначения периодов, событий, явлений и т. п., связанных с этой исторической личностью и даже не связанных с нею. В то же время понятие *наполеоновские времена* может употребляться по отношению к длительному периоду, не связанному с именем Наполеона. Не беремся уточнять, сколь длительному, ведь если в историческом плане *наполеоновские времена* могут замыкаться периодом жизни Наполеона, то в историко-культурном они могут выступать за пределы отмеренного ему биологического времени. Ср. пример из польского языка, в котором для обозначения периода используется имя *Бонапарт*: „Dokument unikalny: autobiografia paryskiego szklarza, który urodził się w 1738 roku, dożył *czasów Bonapartego*...” (Bazkiewicz: 41–42) ‘Уникальный документ: автобиография парижского стекольщика, который родился в 1738 году, дожил до *времен Бонапарта*...’.

В связи с тем, что в польском языке не употребляется прилагательное от фамилии *Bonaparte*, адъектив всегда звучит как *napoleoński* ‘наполеоновский’. С точки зрения перевода и лингводидактики обращают на себя внимание деривационные различия

прилагательных в русском и польском языках – *napoleoński* и ‘наполеоновский’.

Названия событий, инспирированных Наполеоном, также получают его имя: „W ostatnim okresie przed *zamachem Bonapartego* Dyrektoriat usiłował odbudować cały ów system świat” (Bazkiewicz: 154) ‘В последний период перед *переворотом Бонапарта* Директория пыталась восстановить всю эту систему праздников’.

В историческую литературу вошел термин *napoleonowskie wojny* – польс. *wojny napoleońskie* – для обозначения войн Франции периода Консульства и империи Наполеона I.

И конечно же, в языки многих стран вошло название «Кодекс Наполеона» – польс. „Kodeks Napoleona” – как второе имя для Французского гражданского кодекса от 1804 г. (в создании которого Наполеон принимал деятельное участие). Ср.: „Z pragmatyczno-prawniczej szkoły myślenia wynikał awans prawa prywatnego i pomnikowy *kodeks Napoleona*, ten kodeks właściciela, pracodawcy, wierzyciela, ojca, męża” (Bazkiewicz: 340) ‘Из прагматико-правовой школы мышления берут свое начало приоритеты частного права и эпохальный *кодекс Наполеона*, этот кодекс владельца, работодателя, кредитора, отца, мужа’.

В ряде стран в наши дни (Франция, Нидерланды, США (штат Луизиана) «Кодекс Наполеона» по-прежнему является основой законодательства.

Анализ охватывает вторичные имена только одного человека – Наполеона Бонапарта, однако на их основе можно проследить ряд особенностей вторичных имен как особых персоналий, неотъемлемого элемента польского и русского лексиконов и вместе с тем как специфических историко-культурных знаков, позволяющих воссоздать некоторые утерянные детали того ушедшего времени, ощутить его колорит и в конечном счете лучше понять его.

Материалом для изучения послужили в первую очередь вторичные, перифрастические имена интернационального распространения, однако анализ охватил и те имена Наполеона, которые характеризуют русский или польский ареалы в отдельности и не являются для них общими.

Экстралингвистическую колоритность данному сопоставительному анализу придает тот факт, что облик Наполеона в языковом мышлении поляка и носителя русского языка значительно различается: в России это скорее отрицательный герой, хотя до его военного похода на Россию у него здесь было много горячих сторонников. Для поляка же – вполне положительный, более того, в Польше – это харизматический полководец, с которым связывались надежды на восстановление польской государственности. Имя Наполеона фигурирует даже в польском национальном гимне – мазурке Домбровского. Ср. строки из этого гимна: „Dał nam przykład *Bonaparte*, / Jak zwyciężać mamy” (Godło: 229) ‘Дал пример нам *Бонапарт*, / Как должны мы побеждать’.

Впрочем, к горячей симпатии к Наполеону могли примешиваться и дисгармоничные тона. Дело в том, что Папой римским Наполеон был предан анафеме – в частности, за проявленное неуважение к институту папства. И этот факт в Польше не остался незамеченным, но и не затмил светлую для каждого поляка личность Наполеона.

Определенная часть вторичных имен Наполеона зародилась в салонах Франции или же при английском дворе, в Австрии или в Германии и т.д., и уже оттуда эти имена путешествовали в другие языковые ареалы. А потому вторичные имена Наполеона в России и в Польше содержат некую общую часть, а именно, прозвища-интернационализмы, понятные в любой стране – те, которые формировались и распространялись в недрах прежде всего европейского общественного мнения.

И если мы поставим проблему эквивалентности этих вторичных имен, то в принципе

она сводится к тому, что эти соответствия просто надо знать, чтобы точно воспроизвести их в языке перевода согласно законам данного языка и в соответствии с узуально закрепленным в нем обликом данного имени.

Следует констатировать, что для вторичных имен Наполеона характерно то, что большинство из них имеет перифрастический характер. Ср. *маленький капрал, новый Тамерлан, корсиканский узурпатор* и т.п. Обратимся к главенствующим признакам перифразы: «Замена – вот что стоит во главе угла определения перифразы в справочной и специальной литературе (...) способность перифрастического сочетания быть заменённым определённым словом, не входящим в состав этого сочетания, прямую соотносённость их можно рассматривать как диагностирующий параметр при выделении перифраз из текста» (Бытёва 2006: 25). Перифрастические имена выполняют не столько номинативную функцию, сколько характеризующую, а также часто оценивающую – в положительном или отрицательном плане. «Перифрастические сочетания – это обороты, которые используются **не вместо** обычного названия предмета, а **вместе** с обычным названием предмета» (Там же: 27). Они подчеркивают какую-либо черту личности или внешнего вида того лица, чье имя становится основой для образования вторичных антропонимов и с которым данное лицо ассоциируется. Причем характерно, что черты эти закреплены узусом и выступают как постоянные идентификаторы антропонимических объектов.

Перифрастическое имя – это такое имя, автор которого часто неизвестен. Оно возникает как бы само по себе – как окказиональный троп, и лишь по мере своего распространения начинает прочно ассоциироваться с его носителем. При этом – в зависимости от колоритности предмета этой вторичной номинации – число новых, дополнительных имен, например, имен-прозвищ, может быстро прирастать.

Перифрастическая интерпретация антропонимической единицы выполняет в языке, с одной стороны, функцию расширения и обогащения представления о данном человеке (с чем связано и получение о нем нового знания), но с другой стороны – функцию формирования, распространения и закрепления связанных с ним стереотипов. М. Банько так пишет о функциях перифраз: „Обогащение стиля, развитие темы, передача авторской интерпретации и оценки явлений, стремление заинтриговать читателя типом поэтической загадки для посвященных” [Baňko 2002: 2–20], а также – „декоративные и эвфемизирующие” (Baňko 2002: 5). Хотя перифрастические имена характеризуют ономастические объекты почти в той же мере, что и их первичные имена, сфера их функционирования по сравнению с этими первыми выглядит значительно более суженной. Сравним хотя бы сферу распространения имен *Наполеон* и *маленький капрал*. Так происходит потому, что функционирование вторичных имен возможно лишь в условиях культурной общности членов данного социума, которые совместно владеют определенным запасом знаний, представлений, ассоциаций, составляющих историко-культурный и лексический фон данной словесной единицы. Иными словами, вторичные имена может использовать тот, кто обладает знанием коннотаций, этих элементов значения, характеризующих в разных аспектах данную антропонимическую единицу. Фактически вторичные имена представляют собой наглядные характеристики носителей первичных имен (а не слепки с них).

В связи с тем, что процесс идентификации вторичного антропонима требует культурного контекста, культурной общности, знания ассоциаций, связанных с данным антропонимическим объектом, процесс этот более сложен, нежели в случае первичных имен.

Большинство вторичных антропонимов, означающих Наполеона, представляет собой стилистически маркированные прозвища перифрастического типа. При этом первичное имя – Наполеон, выступает в ряду прозвищ в качестве его доминанты. Мы можем также рассматривать его как прототип, носитель основного ономастического значения, вокруг которого группируются вторичные имена как специфические модификации прототипического значения, добавляющие к нему те или иные грани.

Начнем анализ с имен Наполеона, характеризующих его с положительной стороны. Таковых немало, но, как известно, отрицательных характеристик применительно к любому объекту в языке всегда больше, чем положительных. Эта констатация применима и к характеристикам данного особо значимого в историческом плане объекта номинации.

Анализ базируется на выделенных специфических параметрах рассмотрения вторичных имен Наполеона. Об этих параметрах мы можем сказать, что они представляют собой направления анализа и позволяют сгруппировать и расклассифицировать отдельные имена-характеристики Наполеона. По сравнению с характеристиками, параметры имеют более общий характер.

Ниже даются выделенные параметры рассмотрения, в пределах которых бытуют имена-характеристики, анализируются польские и русские текстовые примеры.

Рассмотрим параметр **масштабность, широкоформатность, величие личности Наполеона**, столь богатый примерами в обоих языках, на которых базируется наш анализ: „Z widowni ustąpiła wprawdzie jednostka niezwykłej miary, ale wiadomo, że z upadkiem i śmiercią *osobników niepospolitych* dzieła ich nie giną” (Historya I: 536) ‘Хотя арену покинула *личность необычайного масштаба*, но, как известно, с падением и смертью *людей незаурядных* их дела не исчезают’.

Отметим, что в референциальной цепи характеристика *jednostka niezwykłej miary* ‘личность необычайного масштаба’ коррелирует с замещающей ее характеристикой *osobnik niepospolity* ‘незаурядный человек’.

В рамках данного параметра могут быть выделены характеристики *великий, великий человек*: (1) „Widziałem Marię Ludwikę (...) obok starego cesarza siedział syn *Wielkiego*...” (Dackiewicz 2: 153) ‘Я видал Марию Людвику (...) рядом со старым императором сидел сын *Великого*...’; (2) «*Великий человек* ходил к пирамидам и иероглифам Египта, к мраморам и Рафаэлям Италии...» (Данилевский: 28).

С помощью определений могут вноситься уточнения к характеристикам *великий* и *великий человек*, раскрывающие, в чем именно состоит величие этого человека: „Wojna była przegrana. Losy *wielkiego zdobywcy* rozstrzygnęły się na zawsze” (Historya: 432) ‘Война была проиграна. Судьбы *великого завоевателя* были предрены навсегда’.

Характеристики *великан, гигант, исполин, колосс, титан* представляют собой детализацию и модификацию рассматриваемого параметра. Ср. польские примеры: (1) поэтический пример из Юлиуша Словацкого: „Szumcie, szumcie więc, morza lazury, / Gdy wam dadzą nieść trumnę *olbrzyma!*” (Słowacki: 42) ‘Так шумите же, шумите, морские лазури, когда вам дадут нести гроб *великана*’; (2) примеры из «Истории» А. Чеховского: „Obalony wśród drogi *tytan*...” (Historya: 538) ‘Свергнутый на полпути *тиран*’; (3) „Okrutne dla olbrzymów poczucie (...) *bezsilności*” (Ibidem: 382) ‘Ужасное для великанов ощущение (...) бессилия’; (4) ср. также свидетельство графини Потockкой: „Kłęska pod Lipskiem dała hasło upadku *olbrzyma*” (Potocka 2: 138) ‘Поражение под Лейпцигом стало знаком поражения *великана*’.

Красноречивы также поэтические примеры из русского языка: (1) «И длань народной